

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

А. Лорети

ВИТГЕНШТЕЙН О ПОНЯТИЯХ «КРИТЕРИЙ» И «СИМПТОМ»

Аннотация. В статье анализируются понятия «критерий» и «симптом» в творчестве Л. Витгенштейна. Рассматриваются теории критерия и симптома, изложенные в «Голубой книге», «Философских замечаниях» и «Философских исследованиях». Автор обращает внимание на то, что в «Философских заметках» на концепцию о «симптоме» и «критерии» оказал влияние верификационизм. Автор также отмечает, что поздний Витгенштейн убежден, что различие между критерием и симптом является нечетким, неточным. Автор анализирует трактовку понятия тождества Витгенштейна как в среднем, так и в позднем периоде.

При работе применялся принцип анализ текстов – автор стремится к тому, чтобы представлять взгляды Витгенштейна через цитаты из текстов самого автора.

Научная новизна заключается в том, что в данной работе анализируется концепция верификационизма среднего периода творчества Витгенштейна, который является малоизученной как в отечественной, так и в иностранной литературе. Также приводятся тексты из непереведенной на русский книги Витгенштейна «Философские замечания» («Philosophische Bemerkungen»). Автор приходит к выводу, что на протяжении философской деятельности Л. Витгенштейна от «Философских заметок» до «Философских исследований» наблюдается постепенное приближение понятия «симптом» к понятию «критерий» на фоне решительного отказа от классического эпистемологического подхода, отличающего и изолирующего субъект от объекта познания.

Ключевые слова: бессмысленный, философские заметки, тождество, язык, философские исследования, верификационизм, симптом, критерий, Витгенштейн, эпистемология.

Review. Research subject: the researcher analyzes the terms 'criterion' and 'symptom' in Ludwig Wittgenstein's writings. In particular, Loreti examines the theories of criterion and symptom introduced by Wittgenstein in his works 'Blue Book', 'Philosophical Remarks' and 'Philosophical Investigations'. The researcher emphasizes the influence of verificationism on Wittgenstein's concepts of 'criterion' and 'symptom'. The author of the article also notes that late Wittgenstein believed in a rather unprecise and inaccurate difference between criterion and symptom. The author also analyzes the definition of identity in Wittgenstein's middle and late works. Research method or methodology: in this research Loreti has used the principle of textual analysis, in other words, the researcher has tried to demonstrate Wittgenstein's views through the philosopher's quotations and texts. Scientific novelty and conclusions: the scientific novelty of the research is caused by the fact that the author of the article analyzes the concept of verificationism in late Wittgenstein's writings considering that this is a rather understudied theme both in Russian and foreign academic literature. The researcher also presents extracts from Wittgenstein's book 'Philosophical Remarks' ('Philosophische Bemerkungen') that has not been translated into Russian yet. The author concludes that throughout the philosophical activity of Ludwig Wittgenstein from his 'Philosophical Remarks' to his 'Philosophical Investigations' we can witness the concept of symptom gradually advancing towards the concept of criterion as a result of a categorical denial of the classical epistemological approach that differentiated between and isolated a subject from an object of cognition.

Keywords: senseless, Wittgenstein, criterion, symptom, verificationism, Philosophical Investigations, language, identity, Philosophical Remarks, epistemology.

В знаменитом аргументе против индивидуального языка в «Философских исследованиях» Витгенштейн представляет себе, что некий человек хочет создать язык, который может быть понят только им самим, и с данной целью стремится сосредоточиться на каком-то ощущении и называет его, полагая, тем самым, что он установил слово своего индивидуального языка. Однако ему необходима «Richtigkeit» («правильность»). Он бы не пытался запечатлеть в памяти ощущение, не будь надобности правильно узнать его в будущем. Но, как говорит Витгенштейн, в данном случае у него «нет никакого критерия правильности» («Aber in unserem Falle habe ich ja kein Kriterium für die Richtigkeit») [1; 2, с. 175]. А «критерий» – одно из самых обсуждаемых слов лексикона Витгенштейна. Что значит «критерий» в «Философских исследованиях» и вообще в творчестве Витгенштейна? Целью данной статьи является изучение понятий «критерия» и того, что ему противопоставляется – «симптом». Рассмотрим концепции среднего (30-ых гг.) и позднего Витгенштейна.

Начнём анализ с предыдущих работ, относящихся к переходному периоду. Обратимся к примеру самого Витгенштейна из «Голубой книги» 1933 г., который содержит чёткое и интуитивное определение симптома и критерия. Витгенштейн пишет [2; 1, с. 366]: «давайте введем два противоположных термина для того, чтобы избежать определённой элементарной путаницы: на вопрос «Откуда ты знаешь, что то-то и то-то имеет место?» – мы иногда отвечаем, давая «критерии», а иногда давая «симптомы». Если в медицине ангиной называется воспаление горла, обусловленное определёнными бактериями, и мы спрашиваем в соответствующем случае: «Почему ты говоришь, что у этого человека ангина?», то ответ «Я обнаружил такие-то бактерии у него в крови» даст нам критерий, или то, что мы можем назвать критерием, определяющим ангину. Если, с другой стороны, в ответ было сказано: «У него воспалённое горло», – это может дать нам симптом ангины. Я называю «симптомом» феномен, переживание которого учит нас, что он сопровождается тем или иным образом явление, которое определяется нашим критерием. В этом случае сказать: «У человека ангина, если у него в крови обнаружены бактерии» – значит сказать тавтологию. Во всяком случае, эти слова представляют собой тупиковый путь установления определения того, что такое «ангина». Но сказать: «У человека ангина всегда,

когда его горло воспалено», – это значит уже выдвинуть гипотезу».

Ангина, как почти любая болезнь, имеет характерные симптомы. Покраснение в горле, определённое течение и интенсивность жара и т.д. Это – лишь симптомы, а что означает болеть ангиной? В чём критерий этой болезни? В то время, и сейчас в официальной медицине, термин «ангина» означает наличие стрептококков в верхних дыхательных путях, сами же стрептококки обнаруживаются в соответствии с определёнными параметрами, легко распознаваемыми под микроскопом. В случае, если у кого-то обнаружили симптомы, но, к примеру, результат пробы, взятой тампоном, оказался отрицательным (т.е. отсутствие стрептококка), мы не можем сказать, что этот человек болен ангиной. Мы отличаем критерии от симптомов. Присутствие стрептококков является критерием ангины. Если есть стрептококки при отсутствии симптомов, то врачи говорят о бессимптомной ангине, и лечат её. Симптом – лишь признак, который сам по себе не является непогрешимым, критерий же непогрешим, потому что не имеет отношение к причинности, т.е., к регулярности событий, которая может быть прервана. Он связан с логикой, является определением самого термина «ангина», который был установлен тем, кто имеет право его употреблять. Очевидно, что вы не можете болеть ангиной без стрептококков в дыхательных путях, ибо именно таким образом было определено данное выражение.

В действительности всё не так просто, потому что самый пример болезни ставит нас перед занятым человеческим подходом, который мы можем описать словами: «знаю ЧТО, но не знаю КАК». Часто люди твёрдо убеждены в том, что есть нечто, не зная содержания этого самого нечто, и болезни являются типичным тому примером. Термин «ангина» использовали ещё до Пастера и открытия бактерий. Тогда с ангиной имели дело, основываясь на том, что сейчас рассматривается только как подверженные погрешностям симптомы. Но раньше они признавались как критерии. Что означало болеть ангиной до открытий Луи Пастера? Это означало иметь покраснение горла и определённую температуру. После Пастера определение изменилось. То, что раньше называлось критериями, теперь понижено в ранг симптомов. И всё же до Пастера осмотрительный врач, будучи спрошен о том, является ли покраснение горла и наличие гриппа ангиной, вероятно, ответил бы: «это – лишь симптомы ангины, но они настолько

часты, и проявляются до того характерно, что мы, врачи, считаем, что под этими симптомами обнаруживается что-то и это что-то мы называем ангиной». Также происходило в случае эпидемических заболеваний, например, в случае холеры. Понятие о холере появилось задолго до открытия определённого типа бактерий. Наблюдалось проявление характерных симптомов и заразность этой болезни была до того сильна, что было нетрудно понять, что за этими симптомами нечто непознанное и непознаваемое передавалось от больного человека к здоровому. Но они не знали, что именно, и наличие этого нечто в организме давали название холеры. Таким образом, в случае холеры при синдроме, т.е., при стечении симптомов, предполагалось, что существовало что-то в реальности, о чьих чертах не было ничего известно. В этом случае они могли говорить о чем-то, опираясь на симптомы, но сами критерии оставались неизвестными. Не знали, что значит болеть холерой, тем не менее знали, что на свете есть это нечто, которое иногда проявляется с определённым сочетанием симптомов. Когда обнаруживалась предполагаемая холера, вызывали врачей, чтобы убедиться, была ли это действительно холера, и такая проверка проводилась на основании симптомов. Но эти врачи могли только догадываться, что за этой симптоматикой действительно скрывалась холера.

Иногда они заключали, что это лишь видимость холеры, а человек на самом деле умер из-за испорченной еды. Это уже в прошлом, потому что сегодня при подозрении на заражение осуществляется бактериологический анализ. Нам, наконец-то, стало известно «как». Это обычная человеческая ситуация, которая проявляется в огромном количестве случаев, даже вне пределов медицины, хотя сама медицина располагает множеством примеров эпистемических танталовых мук. В случае безумия (так как перед эпистемическим мучением не хочется смириться), чтобы приписать причину этому явлению любой ценой, родилась легенда о камне глупости. Тот считался безумным, кто имел в черепе камешек. Здесь, по крайней мере, была установлена бивалентность суждения и, соответственно, было возможно определить: либо камешек есть, либо он отсутствует – безумен либо здоров. Следовательно, если открыть череп и обнаружить, что камешка нет, то придётся смириться с тем, что этот человек просто похож на безумного, но в действительности не таков. В этом «в действительности» заключается разница между мнимой очевидностью и небытием.

Это позволяет нам говорить теоретически о чём-то, что имеет лишь вид чего-то, но на самом деле не является таким и наоборот. Подростки долго обсуждают, являются ли отношения настоящей дружбой или настоящей любовью. Ты влюблён или нет? Здесь требуется чёткий ответ, предполагается критерий, но опять-таки неизвестно, где таковой взять. Слепо верится, что существует критерий, а как его определить – неизвестно, если только было бы возможно открыть череп человека и подсмотреть, что там внутри, то, чувствуется что было бы возможно узнать, любовь ли это или нет, дружба ли это или нет, безумен ли человек или здоров.

В 30-ых гг., до «Голубой книги», Витгенштейн написал «Philosophische Bemerkungen» («Философские заметки»). «Философские заметки» является главным произведением Витгенштейна в периоде с 1929 по 1932 гг. Данная работа долго оставалась незамеченной исследователями, что является большой несправедливостью, так как работа интересна по меньшей мере по двум причинам:

- 1) «Философские заметки» – необходимы для понимания и для оценки философии позднего Витгенштейна;
- 2) В «Заметках» Витгенштейн предлагает весьма интересную феноменологическую концепцию.

В первую очередь необходимо упомянуть о происхождении данной работы, которая, насколько мне известно, не была опубликована на русском языке. «Философские заметки» были изданы впервые в 1964 г. Как пишет Марино Россо в предисловии к итальянскому изданию «Философских заметок» [3; 11, с. VIII-XX], единственной рукописью Витгенштейна к «Философские заметки» была огромная записная книжка для ведения семейного бюджета, которая состоялась из около 1000 листочков. Происхождение данной бухгалтерской книжки уходит в далекий 1919 г., когда Витгенштейн, вернувшись с Первой Мировой войны, отказался от крупного семейного наследия, оставил философскую деятельность и работал на разных местах, то учителем в удалённых австрийских деревнях, то садовником в монастыре. В начале 1929 г. Витгенштейн возобновил свою философскую работу, так как он оказался в затруднительном финансовом положении и ему было нужно зарабатывать на жизнь. В том же году Витгенштейн прибыл в г. Кембридже (Англия), где проживал сначала за свой счёт, а после истощения своего бюджета получил стипендию от Тринити-колледжа. Однако для того, чтобы получить сти-

пендию, Витгенштейну было необходимо представить некоторую философскую работу. С февраля 1929 г. по апрель 1930 г. он собирал в большей рукописи (на четырёх томах) занимался составлением сборника в 4 томах, где собрал большое количество своих размышлений прежних лет на различные философские темы. Витгенштейн был недоволен беспорядочностью своей прежней работы: у переписки Витгенштейна с Муром и Расселом видно, что Витгенштейн сначала решил сделать «синопсис», т.е. скорее всего одно обзорное резюме прежних работ, и показать резюме Расселу. Результатом резюме и переработки материала (которая была осуществлена Витгенштейном за месяц) и стали «Философские заметки». Рассел быстро просмотрел эту работу, и несмотря на то, что она ему во многом показалась непонятной, Рассел дал благоприятный отзыв, что немало повлияло на последнее решение комиссии Тринити-колледжа одобрить (вопреки сомнениям Мура и других членов) стипендию Витгенштейна. В этой книге ключевую роль играет верификационизм, согласно которому смыслом предложения является метод его верификации [4; 15, с. 66-67, 170, 174, 200]. Такой принцип приведет к радикальным последствиям. По общему мнению людей, симптомом прошлого является то, что остается от прошлого – следы и ископаемые останки. А, согласно верификационизму, они – не симптомы, а критерии прошлого, соответственно, наличие ископаемых останков – не признак, не примета прошлого существования, например, динозавров, а критерий. Таким образом, когда натуралист нам рассказывает об огромных существах не просто из костей (останки которых до нас дошли), а из плоти, которые несколько миллионов лет назад ходили по земле – согласно радикальному мнению Витгенштейна того периода, это лишь сжатый, замысловатый и причудливый образ описания тех самых критериев динозавров. Предполагая существование динозавров, в единой картине сразу собирается большой объем различных и разнородных данных, в которые входят окаменелости, пыльца, микропыльца и всё то, что мы знаем о тех существах, о том, что от них остаётся после их смерти и ещё много других данных. Такое умаляющее отношение к профессии палеонтолога, где он всего лишь предоставляет сводное описание множества разнородных данных, вряд ли бы самого палеонтолога устроило. Палеонтолог твёрдо верит в то, что ископаемые останки динозавров являются прямыми признаками того, что они существовали

точно так же, как современные носороги и слоны. И, опираясь на различие между симптомом и критерием, можно ввести новый термин (он не входит в терминологию Витгенштейна) – «идентичный критерий». Т.е., когда мы задаёмся вопросом, что является критерием определённой вещи, мы только и можем, что повторять то же самое название этой вещи. Если все данные палеонтологов – симптомы существования динозавров, какой будет критерий динозавров? Сами динозавры! В случае с ангиной происходит переход к чему-то ещё, инаковость, расширение языка. Мы не говорили, что ««ангина» означает «ангина»», а ««ангина» означает «наличие стрептококков в верхних дыхательных путях»». Термин «ангина» становится строгим описанием в техническом и научном смысле. А в случае с динозаврами такого расширения языка не происходит. Если не признать ископаемые останки критериями динозавров, то на вопрос «какой будет критерий динозавров?», мы можем только отвечать «критерием динозавров являются сами динозавры». Такое твёрдое убеждение в верификационизме позволило среднему Витгенштейну ответить на парадоксальную и крайнюю гипотезу Рассела о созданном пять минут назад мире, со всеми следами, документами, воспоминаниями о далеком прошлом. Подобный иллюзорный мир имел бы те же свойства, что и сомнительный реальный мир [5; 12, с. 48-49]. А принцип верификационизма является, так сказать, всемогущим ходом, спасающим человека от несчастного эпистемического состояния, в котором он, по всей видимости, находится. И в действительности, если правомерен эксперимент Рассела, то человек, безусловно, находился бы в несчастном положении. Он не мог бы быть уверен в том, что сам существовал ли в прошлом, поскольку возможно все его воспоминания о прошлом ничто иное как дьявольское притворство, все его оплакивания, воспоминания, амбиции вдруг оказываются всего лишь иллюзией. Но данный принцип освобождает человека от подобного несчастья.

Таким образом, по мнению среднего Витгенштейна, гипотеза Рассела является самообманом [6; 15, с. 104]. Это полностью бессмысленно сказать, что мир зародился пять минут назад со всей последовательностью прошлого. Что на самом деле значит высказывание «мир существует, по крайней мере, 10 минут»? Оно значит: «у меня есть воспоминания, которые уходят по крайней мере, в 10 минут назад». Оно значит: «этот цветок не может существовать

менее 3 дня». То что Земле, по крайней мере, миллиард лет значит: «уран имеет какие-то определённые темпы распада». То, что динозавры бродили по Земле миллионы лет назад, значит: «ископаемые остатки содержат определённые формы».

Чтобы проблема о различии между симптомом и критерием стала более понятна, рассмотрим случай тождества физических объектов. Витгенштейн задаётся данным вопросом в «Философских исследованиях» [7; 2, с. 173]: «Что используется здесь в качестве критерия тождества? Поразмышлы, что позволяет применительно к физическим предметам говорить о «двух абсолютно одинаковых». Например, говорить: «Это не тот стул, что ты видел вчера, но он точно такой же, как тот». Допустим, что человек сидел вчера на определённом стуле. Затем он выходит из комнаты, прибирают комнату, человек возвращается, все стулья в порядке, он берёт один из стульев и задумывается: «тот ли это стул, на котором я сидел?». Если к подобному вопросу примешать суеверие, то станет интереснее. Например, пока человек сидел на этом стуле, он узнал очень плохую новость, и поэтому больше не хочет на него садиться.

У человека равнодушного к философским вопросам, который в ходе повседневной жизни суеверно спрашивает себя: «тот ли это стул?», стоит спросить: каковы, по его мнению, критерии тождества стула, а также – в каких случаях уместно заключить, что два стула являются одним и тем же стулом. Здесь нам представляется проблема интерпретации: верификационист Витгенштейн или уже нет? Скорее всего в «Философских исследованиях» Витгенштейн преодолел верификационизм. Но сейчас предположим, какой будет подход у Витгенштейна-верификациониста при решении такого вопроса. Итак, согласно верификационизму, под критерием понимается эмпирический метод разрешения загадки тождества стула. Допустим, данный человек сильно суеверен и настроен решить проблему любой ценой. Для этого он обращается к ведущему криминалисту Скотланд-Ярда. Может ли он решить этот вопрос? Предположим, что криминалист проведёт анализ штанов, в которых этот суеверный человек сидел на стул, после чего он тщательно исследует все стулья в комнате на предмет наличия конкретного типа волокон и найдёт стул, который будет иметь наибольшее число оставшихся от штанов волокон, и затем с определённой долей уверенности заключит, что именно на ЭТОМ стуле сидел человек. Будут ли результаты этого расследования

критерием или симптомом того, что стул является тем же стулом, на котором сидел суеверный человек? Хочется сказать, что найденные волокна – всего лишь признак, след от его сидения, а не критерий. Но каковы будут критерии? Каким будет определение того, что «он сидел на этом стуле» или «это – тот стул, на котором он сидел вчера?». Какое будет определение у этого тождества? Криминологические улики – критерии? Составляют ли они часть определения? И если они являются всего лишь симптомами (как и другие подобные приметы, например отпечатки пальцев и так далее), то что же тогда будет служить критерием?

В этом примере почти очевиден факт того, что здесь не может быть другого критерия, кроме так называемого «идентичного критерия», – т.е., его нет совсем. Мы только и можем, что сказать: «то, что они – одно и то же, значит, что они являются одним и тем же». «Одно и то же» не означает «здесь были найдены мои отпечатки пальцев», ведь если бы их стерла уборщица, то стул остался бы тем же, но дело не в этом. Очевидно, что «одно и то же» и «здесь были найдены мои отпечатки пальцев» – разные по значению предложения. Когда мы говорим: «они – это одно и то же значит, что они – это одно и то же», то мы констатируем, что у нас нет возможностей расширить это понятие или свести его к понятиям простейшим.

Тогда, – предупреждает нас верификационист Витгенштейн, – когда нам кажется, что нет больше критериев, кроме так называемого «идентичного критерия», то это значит, что мы имеем дело с псевдопонятием, что у нас нет чёткого представления о том, о чём мы говорим.

В итоге получается, что на начальном этапе тождество представляет собою элементарное понятие, неразлагаемое на другие, однако, следуя рассуждениям верификациониста Витгенштейна, можно доказывать, что данная элементарность – всего лишь концептуальная пустота.

Это – кантианская проблема, априорно или апостериорно ли понятие о тождестве, и о том, нужен ли ему или не нужен суд опыта. Согласно Канту, понятие тождества – чисто, значит априорно, но допускает только эмпирическое использование. В этом смысле Кант идёт не в противоположном по отношению к верификационисту Витгенштейну направлении. Стул, сказал бы Кант, – это не вещь в себе. А только относительно вещей в себе могут иметь смысл утверждения «это тот же самый вчерашний стул» или «это – не тот же стул».

Возможно ли потом восстановить процесс различения или нет, упустил ли человек из виду стул или нет – не имеет значения. «Тот самый стул» – это вещь в себе, он отличается от объекта восприятия человека, он независим от знания человека о том, тот ли он или не тот. Здесь идёт речь о стуле, как о вещи в себе, но если стул рассматривается лишь как феномен, то вовсе будет непросто определить, что такое тождество.

В связи с этим уместно обратить внимание на миры, которые не обладают статусом вещей в себе, например, на мир мультфильмов. В одной сцене диснеевской «Белоснежки» показаны все гномы, в том числе Ворчун с киркой в руках, и несколько сцен спустя – снова Ворчун с киркой. Позволительно задаться вопросом, является ли кирка из второй сцены той же, что и кирка из первой. Если аниматор нарисовал кирки с различными особенностями, то ответить на этот вопрос представляется возможным. Но если он нарисовал и ту, и другую одинаково, тогда какой смысл имеет сам вопрос – «та ли это кирка»? Эмпирический критерий (кирка Ворчуна в первой сцене, например, может быть короче, чем во второй) является единственным условием наличия в самом вопросе какого-либо значения. Именно из-за того, что кирки в мультфильме не являются вещами в себе, несправедливо будет заключить, что во время сцен, где кирки не задействованы, они стояли где-то там, в шкафу, вернее, возможно заявлять, что кирки где-то там стояли, но нельзя заявлять слишком твёрдо, – т.е., или-или. Если говорить, то следует осознавать, что при этом, мультфильм дополняется, расширяется, разрабатывается новая часть мультфильма. Такой мир нам даётся только фрагментами, и вне проявления данных фрагментов не существует действительности, которой эти фрагменты могли бы принадлежать. Это не касается, например, видеоигр, потому что кирки там, возможно, занимают место в памяти компьютера и во время отображения на экране они существуют в виде импульсов. В философии на вопрос «является ли этот стул тем же самым стулом или нет?», ответить возможно только при помощи соответствующего феномену реального денотата, существующего самого по себе. В видеоиграх при повторном появлении кирки на экране возможно узнать, был ли задействован тот же участок памяти, что и в первый раз. Соответственно, все кирки отличаются друг от друга, потому что в области памяти, которая является вещью в себе, каждая кирка соответствует отдельному участку, даже если на

экране, который, напротив, является феноменом, они кажутся неразличимыми.

Таким образом, если с кантовской точки зрения стулья не являются вещами в себе, то невозможно заключить, что стулья находились на своих местах даже тогда, когда у нас не было доступов к ним. Также не будет смысла в вопросе о наличии или отсутствии тождества. Вопрос имел бы смысл только в случае, если бы стулья рассматривались как вещи в себе, а если они – всего лишь феномены, то хочется переформулировать вопрос с отсылкой на сам денотат, но тогда неизвестно, что ответить, потому что нет никакого независимого от феномена денотата. Витгенштейн, когда он придерживался верификационизма, не предусматривал разницу между вещами в себе и феноменами, однако он был феноменалистом, значит, мир, по его тогдашнему мнению, имел свойства фильма. Существует чистая, недвусмысленная реальность, однако она нам открывается только частями, и по этому фрагментарному характеру субъект рисует себе стабильный (в конструктивистском смысле) мир. Если задаться вопросами вроде «тот ли это стул, на котором я сидел вчера?», следует понимать, что подобное понятие тождества было нами выведено из большого количества разнообразных опытов.

Рассмотрим более поздний период карьеры Витгенштейна. Когда писал «Философские исследования» Витгенштейн убеждён, что вышеупомянутое предполагаемое различие между критерием и симптом является нечётким, неточным [8; 2, с. 177]. В случаях безумия или любви, например, человек не обладает непогрешимыми критериями, чтобы дать точное определение тому, что значит «быть сумасшедшим» или «быть влюблённым», однако эти выражения используются совсем произвольным и незакономерным образом. В действительности, рассуждения и высказывания человека весьма последовательны и когерентны, а в некоторых случаях и вовсе нет никаких сомнений в том, что он имеет в виду: так достигается полное взаимопонимание.

У родителей, чрезвычайно встревоженных тем, что их сын испытывает безответную влюблённость, нет никаких сомнений; бывают также случаи, в которых очевидно, что это не настоящая любовь: например, когда человек покидает своего возлюбленного с абсолютным равнодушием. Но есть и случаи, которые возможно было бы обсуждать часами, – в которых сам заинтересованный человек не мог бы наверняка сказать, влюблён ли он или нет. Решительный ход Витгенштейна за-

ключается в том, чтобы отказаться от логической бивалентности. Таким образом, дело не в том, что человек не может что-то сказать, но в непознаваемой нами и им действительности: наличии или отсутствии влюблённости.

Проблема в том, что в таких ситуациях сам факт того, что ситуация представлена схемой «или-или», является неубедительным. Техника, которая работала в стольких случаях, что стоило её принять, иногда не оправдывает себя, подводит человека. Но если хочется любой ценой остаться в рамках пропозициональности «так обстоят факты» и бивалентности «или – или», то при обнаружении случая «ни да, ни нет» необходимо признать нарушение, своеобразную «травму логики». Но это не драматический урон, просто некая техника на этот раз не сработала, соответственно, впредь невозможно применять во всех без исключения случаях классическую логику. Вследствие этого, она больше не будет рассмотрена, как абсолютное и универсальное зеркало реальности, но всего лишь как идеализирующая техника. Что значит «идёт дождь»? Если человек по телефону спрашивает: «у вас идёт дождь или нет?», можно было бы ответить: «я не знаю, идёт ли дождь или нет, потому что небо затянуто облаками, несколько минут назад мне на лоб упала буквально одна капля, так что я не могу сказать, идёт ли дождь», – разве это травма для логики? Нет, это всего лишь отказ определённой техники функционировать так же, как это было до этого. Обычно в техниках человека не бывает неопределённости, но в некоторых случаях реальность становится сложнее. «Идёт дождь у вас?», «На меня упало пять капель за две минуты!», – разве подобные ответы возможно назвать правильными? Или всё-таки следует ответить «нет» или, возможно, «да»? Как да, так и нет являются в данном случае ответами неудовлетворительными. Была опровергнута лишь идеализация, человек столкнулся со случаем, который невозможно соотносить с идеальными случаями «да» или «нет». Соответствующий ответ будет «и идёт дождь, и не идёт, капает». Так как с течением времени наша жизнь усложняется, правомерно и предполагать, что в будущем в метеорологическом центре возможно будет подсчитать, сколько капель выпало за минуту на квадратный метр. Витгенштейн считает, что различие между критериями и признаками не так уж чётко прослеживается. Касательно заболеваний, когда до Пастера обсуждали подлинность предполагаемых случаев холеры в то время, когда действительно критерии были под-

верженными ошибкам, то поздний Витгенштейн не соглашался с тогдашними врачами, считавшими, что критерии существуют, однако они им неизвестны. Он согласился бы с тем, что у человека есть критерии холеры (которые на сегодняшний день сильно понижены – до ранга симптомов), но они могут оставлять человека в неопределённости, затруднять практическое принятие решения, также как в ситуации, когда путешественник находится на распутье и не знает, куда идти. Дело не в том, что ему не хватает информации. Возможно он и заполучит всю необходимую информацию, но при этом трудности не исчезнут, путешественник так и не сможет решиться, и в результате жизнь расшатывается, станет неоднозначной, и практическое значение осуществляемой человеком деятельности будет неопределённым.

С помощью понятий «критерия» и «симптома» следует рассматривать и аргумент против индивидуального языка. В своем аргументе против индивидуального языка Витгенштейн представляет себе, что некий человек хочет вести дневник своего частного ощущения, и потому он называет ощущение, полагая, тем самым, что это будет термин индивидуального языка. Однако нужно чтобы ощущение в настоящем в действительности было того же рода, что и образец ощущения в прошлом. А что значит, «оно того же рода в действительности»? Ответ на данный вопрос в «Философских заметках» таков: «оно того же рода» значит – «мы его помним как таковое» [9; 15, с. 60]. Наше узнавание ощущения не является симптомом, а критерием соответствия настоящего ощущения с предыдущим (непосредственная верификация). Язывательный ответ в «Исследованиях» был таков – обращаться к подобному критерию тождества ощущений равно рассмотрению наличия газетной вести в качестве критерия истины самой вести, соответственно, присутствие тех же вестей и во второй копии газеты свидетельствует о правдивости в ней сообщенных вестей [10; 2, с. 176]. Невозможно не замечать, что Витгенштейн здесь пытается разрушить до основания философию «Заметок».

Таким образом, одно возможное толкование аргумента Витгенштейна о невозможности частного языка было бы следующим: правомерность сомнения в правильном распознавании ощущения свидетельствует о том, что воспоминание рассматривается всего лишь как симптом. Однако при успокаивающем ответе вроде «Это – ощущение О, потому что я точно его помню», оно уже переходит

к статусу критерия. И такое замечание основано не на зрелых выводах, согласно которым дихотомия «симптомы / критерии» исчезает, а на утверждении, согласно которому симптомы (признаки) чётко отличаются от критериев. Признак связан (по причинной обусловленности, а не по тождеству) с тем, признаком чего он собственно является, а критерий – это сама вещь. Это было бы аналогично ситуации, в которой палеонтолог, столкнувшись с радикальным возражением: «Откуда нам известно, что ископаемые свидетельствуют о существовании в прошлом животных», прибегнул бы к помощи утверждения, что ископаемые – критерии, а не только лишь признаки данного факта.

Приведём ещё одну аналогию. Допустим, обсуждается вопрос, является ли этот бюст Гомера достоверным изображением самого Гомера, когда вдруг приходит человек и сообщает, что Гомера вообще никогда не существовало. Следовательно, вопрос о достоверности изображения Гомера теряет значение. Если только не говорят, что нет наличия смысла в вопросе, похож ли бюст Гомера на самого Гомера или нет, просто потому, что Гомер, по сути, является данным бюстом, но это было бы всё равно, что купить два одинаковых выпуска одной и той же газеты. Бюст Гомера определяет, кем был Гомер. Проблема заключается не в том, что навсегда останется неизвестно, испытывал ли некий человек когда-нибудь ощущение, схожее с тем, которое сейчас может показать остенсивно, но в том, что при подобном вопросе становятся сомневаться, было ли прошлое вообще.

Насчет тождества следует заключить, что автор «Философских исследований» не ссылался бы на различие между критериями и симптомами, по которому высказывание «это – тот же стул» означает «это – тот же стул», что, как мы видели, указывает на отсутствие у нас чёткого понимания ситуации. Он тоже попытался бы указать на некорректность данного понятия, но не исходя из совершенной невозможности осуществления проверки, а с помощью диалога в сократическом стиле [11; 2, с. 216]. Витгенштейн-верификационист настаивал бы на бессмысленности, исходящей из абсолютной невозможности эмпирической проверки и из того, что мы всегда оказываемся в такой непреодолимой невозможности, ведь какие бы следы мы ни нашли на своём стуле, это не будет служить критерием, потому что данные следы не являются самой вещью. А тот Витгенштейн, который преодолел верификационизм, пытается заставить оппонента

понять, что предполагаемая разница между симптомом и критерием не так велика [12; 2, с. 196], и не так уж отчётлива, соответственно, наш разговор не имеет гарантий, которые могли бы застраховать его от всех рисков неточности и недопонимания [13; 2, с. 196]. Когда мы сами себе задаём вопрос, является ли этот стул тем же самым, нам было бы лучше выкинуть из головы всякое понятие о пропозициональности, согласно которому мы являемся субъектами, обладающими интеллектом, которые, сформулировав возможную картину состояний фактов в мире, бьются над вопросом, соответствует ли представленная ими картина действительности. Если нам не удастся решить вопрос, является ли этот стул тем же самым или нет, значит, наша техника потерпит неудачу, которая не оставит в человеке ощущения «эпистемологического голода». В конечном счёте можно полагать, что в «Философских исследованиях» Витгенштейн настроен вылечить нашу «эпистемологическую булимию». Вместо того, чтобы во весь голос кричать: «Я не знаю и, возможно, никогда и не узнаю, тот ли это стул или нет», лучше, по мнению автора «Философских исследований», это сказать вполголоса, и тогда сам факт того, что мы говорим вполголоса, т.е., без эпистемических претензий, становится действующим ходом нашей жизни. Мы применили технику и потерпели неудачу, это не страшно, значит, эта техника просто не сработала. Человек всегда находится среди множества различных необоснованных техник [14; 2, с. 162]. Среди них есть техника, с помощью которой возможно решить вопрос, тот же ли это стул, на котором я вчера сидел, или нет. Но такая техника вполне могла бы и отсутствовать. На самом деле, наш мир сложился так, что в нём существуют стулья, и в нём можно задаваться пропозициональным вопросом и применять классическую логику двужначности (или-или), по которой любое высказывание является или истинной, или ложью. Тем не менее, мы свободно можем представить себе племя людей, которому не хватает понятия тождества. Так, они не поймут вопроса о том, является ли это каноэ тем же самым, на котором мы плавали вчера. По мнению позднего Витгенштейна, например, в «Заметках о “Золотой ветви”» Дж. Фрэзера» [15; 13, с. 18, 26-27] совершенно неправильно будет заключить что, они находятся на более низком этапе развития, чем люди, принадлежащие нашей культуре. Проблема здесь не в ценностях, следовательно, не в том, что они просто не приписывают тождеству никакого значения, не

ценят его, но в том, что они не имеют о нём ни малейшего представления.

Итак, можно заключить, что на протяжении философской деятельности Л. Витгенштейна от «Философских заметок» до «Философских иссле-

дований» наблюдается постепенное приближение понятия «симптом» к понятию «критерий» на фоне решительного отказа от классического эпистемологического подхода, отличающего и изолирующего субъект от объекта познания.

Список литературы:

1. Витгенштейн Л. "Голубая книга" и "Коричневая книга" (сокращённый перевод) // Современная аналитическая философия. Вып. 3. М., 1991.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть I / Сост., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994.
3. Витгенштейн Л. Заметки о «золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 251-268.
4. Патнэм Х. Мозги в бочке // Патнэм Хилари. Разум, истина и история. М.: Практикс, 2002. Гл. 1.
5. Block N. Inverted Earth // Philosophical Perspectives Vol. 4. Action Theory and Philosophy of Mind, Atascadero, Ridgeview, 1990. P. 53-79.
6. Dennett D.C. Quining Qualia in Marcel A. and Bisiach E., eds. Consciousness in Modern Science. Oxford: Oxford University Press, 1988. Reprinted in: Lycan W., ed. Mind and Cognition: A Reader, MIT Press, 1990; Goldman A., ed. Readings in Philosophy and Cognitive Science. Cambridge, MIT Press, 1993.
7. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974.
8. Kenny A. Wittgenstein (First Edition: Wittgenstein, Allen Lane The Penguin Press, Ltd., Harmondsworth, Middlesex, 1973). Madrid: Alianza Universidad, 1982.
9. Marconi D. «Transizione» // Guida a Wittgenstein, Bari-Roma, Laterza, 2002. P. 59-103.
10. Moore G.E. Wittgenstein's Lecture 1930-33 // Robert R. Ammerman, Classics of Analytic Philosophy. Indianapolis: Hackett Pub Co, 1989. P. 233-284.
11. Rosso M. «Introduzione a «Osservazioni Filosofiche»» // Wittgenstein L. Osservazioni Filosofiche. Einaudi: Torino, 1999. P. VII-CLXI.
12. Russell B. The Analysis of Mind. London: George Allen & Unwin, 1921.
13. Wittgenstein L. Note sul "Ramo d'oro" di Frazer (First Edition: Bemerkungen über Frazers "The Golden Bough" // Synthese n. 17, 1967, pp. 233-253). Milano: Adelphi, 2013.
14. Wittgenstein L. Bemerkungen über die Philosophie der Psychologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982.
15. Wittgenstein L. Philosophische Bemerkungen. Oxford: Basil Blackwell, 1964.

References (transliteration):

1. Vitgenshtein L. "Golubaya kniga" i "Korichnevaya kniga" (sokrashchennyi perevod) // Sovremennaya analiticheskaya filosofiya. Vyp. 3. M., 1991.
2. Vitgenshtein L. Filosofskie issledovaniya // Filosofskie raboty. Chast' I / Sost., vstup. stat'ya, primech. M.S. Kozlovoi. Per. M.S. Kozlovoi i Yu.A. Aseeva. M.: Gnozis, 1994.
3. Vitgenshtein L. Zametki o «zolotoi vetvi» Dzh. Frezera // Istoriko-filosofskii ezhegodnik. M., 1989. S. 251-268.
4. Patnem Kh. Mozgi v bochke // Patnem Khilari. Razum, istina i istoriyab. M.: Praxis, 2002. Gl. 1.
5. Block N. Inverted Earth // Philosophical Perspectives Vol. 4. Action Theory and Philosophy of Mind, Atascadero, Ridgeview, 1990. P. 53-79.
6. Dennett D.C. Quining Qualia in Marcel A. and Bisiach E., eds. Consciousness in Modern Science. Oxford: Oxford University Press, 1988. Reprinted in: Lycan W., ed. Mind and Cognition: A Reader, MIT Press, 1990; Goldman A., ed. Readings in Philosophy and Cognitive Science. Cambridge, MIT Press, 1993.
7. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974.
8. Kenny A. Wittgenstein (First Edition: Wittgenstein, Allen Lane The Penguin Press, Ltd., Harmondsworth, Middlesex, 1973). Madrid: Alianza Universidad, 1982.
9. Marconi D. «Transizione» // Guida a Wittgenstein, Bari-Roma, Laterza, 2002. P. 59-103.
10. Moore G.E. Wittgenstein's Lecture 1930-33 // Robert R. Ammerman, Classics of Analytic Philosophy. Indianapolis: Hackett Pub Co, 1989. P. 233-284.
11. Rosso M. «Introduzione a «Osservazioni Filosofiche»» // Wittgenstein L. Osservazioni Filosofiche. Einaudi: Torino, 1999. P. VII-CLXI.
12. Russell B. The Analysis of Mind. London: George Allen & Unwin, 1921.
13. Wittgenstein L. Note sul "Ramo d'oro" di Frazer (First Edition: Bemerkungen über Frazers "The Golden Bough" // Synthese n. 17, 1967, pp. 233-253). Milano: Adelphi, 2013.
14. Wittgenstein L. Bemerkungen über die Philosophie der Psychologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982.
15. Wittgenstein L. Philosophische Bemerkungen. Oxford: Basil Blackwell, 1964.